

А.И. Боброва

Томский государственный университет
 пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
 E-mail: museum@trecom.tomsk.ru

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ С ТИСКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Введение

На протяжении многих веков крест был и остается главным символом христианства. Среди изображений данного символа особое место занимает нательный крест, появление которого, вероятно, было связано с его охранительной функцией [Молодин, 2001а, с. 245].

Меднолитые предметы первоначально не изготавливались в Древней Руси. Н.В. Покровский писал о том, что металлическими крестами и образками снабжали Русь греки, в частности херсонские; отсюда поступали корсунские кресты, которые затем не только распространялись на юге, но и достигали Владимиро-Суздальской и даже Новгородской областей (см.: [Перетц, 1933, с. 6]). Находки древнейших крестов на территории Руси относятся к X–XII вв. [Гнутова, 2000, с. 20].

Разнообразие форм тельников увеличивалось со временем, расширялся спектр цветных металлов, из которых их изготавливали. С распространением христианства ширился ареал их бытования. Начиная с XVI в., с проникновением в Сибирь казаков, служилых и торговых людей, землепроходцев и крестьян, кресты-тельники стали поступать сюда в большом количестве и постоянно*. С присоединением Сибирского края к России и в связи с христианизацией насе-

ления региона поток культовой атрибутики увеличился [Молодин, 2002, с. 96].

С семиотической точки зрения, нательный крест первоначально воспринимался сибирскими аборигенами довольно поверхностно (иногда они использовали кресты для украшения традиционной одежды [Боброва, 2002а, с. 189; 2002б, с. 79])*, однако с распространением христианства и усилением его влияния стал для них подлинным символом христианской веры. Именно такими символами можно считать нательные кресты, обнаруженные в погребениях Тискинского некрополя.

Территория Нарымского Приобья, на которой расположен памятник, с XVII в. была заселена “остяками”, принадлежавшими к “самоедской национальности” [Патканов, 1912, с. 38], и входила в Малую Чурабарскую (Чурубаровскую) волость, включавшую население трех юрт: Тискиных, Тайзаковых, Сондоровых [Патканов, 1911, с. 159]. С. Патканов отмечал, что из всех самоедов они были наиболее обрусевшими: по переписи 1897 г. из 4 821 чел. в Томской губернии утративших родную речь и назвавших родным языком русский оказалось 767 чел., или 15,9 %, а двуязычных – значительно больше [Там же, с. 144].

Б.О. Долгих относил подразделения Большой и Малой Чурабарских (Чурубаровских) волостей к одному из родов “остяков” Нарымской волости, потомки которых называли себя “шешкум” [1960, с. 88].

* Работа написана на основе материалов, хранящихся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета: кол. № 9017 – Тискинский могильник, б/н – Айполовский могильник, № 7610 – Волковское кладбище, № 7626 – Кинтусовское I кладбище, № 7625 – Сорское кладбище, № 7622 – могильник Чага.

* См. также: Дремов В.А. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1973 г. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 537, тетрадь 7, с. 613–616.

Классификация нательных крестов с Тискинского могильника

Кресты-тельники относятся к особому виду мелкой пластики. Их классификации особое внимание уделено в работе Э.П. Винокуровой [1999]. На сибирских материалах XVII–XIX вв. типология и семантика данной категории предметов успешно разрабатываются В.И. Молодиным [2001а, б; 2002]. Работы этих исследователей стали основополагающими при анализе тискинской серии крестов.

Последний этап существования Тискинского могильника (конец XVIII – первая половина XIX в.) представлен 73 погребениями. Их датировка облегчена наличием монет, отчеканенных в период 1749–1854 гг. [Боброва, 1984]. Нательные кресты обнаружены в 54 захоронениях, что составляет 74 % от общего их количества, в 26 погребены взрослые (15 женщин, 8 мужчин, пол трех человек не определен), в 28 – дети. При классификации учтены лишь предметы хорошей сохранности – 35 экз.

Изделия выполнены в технике плоского двустороннего литья, на верхней оконечности имеют ушко для подвешивания.

Спектральный анализ (на спектрографе ИСП-28) 10 нательных крестов сделан на кафедре оптики и спектроскопии физического факультета ТГУ канд. физ.-мат. наук, доцентом А.А. Елисеевым*. Его результаты отражены в таблице, из которой следует, что в качестве основных компонентов практически каждое изделие включало медь, олово, свинец, цинк, ртуть, кремний. Семь крестов, имевших в своем составе серебро, амальгамированы.

За основу выделения групп в данной категории инвентаря взято оформление контура креста. По это-

* Автор глубоко признателен Алексею Александровичу за бескорыстную помощь и поддержку.

му признаку изделия разделены на две группы: простые, без каких-либо дополнительных деталей в средокрестии (21 экз.) и фигурные, с дополнительными элементами в виде лучей, исходящих из углов средокрестия, шариков, завитков и пр. (14 экз.). По художественному оформлению ветвей креста в группах различаются типы.

Группа I, тип 1. Прямые (1–6)*. По ширине концов креста в типе 1 выделены два варианта.

Вариант 1 – с широкими концами, 12 экз. из погр. 3 и 9 кург. 5, погр. 3, 8, 9, 23 кург. 7, погр. 3, 4 и 9 кург. 9, погр. 17 кург. 11**, погр. 2 и 6 кург. 13 (1–3). Четырехконечный крест простой формы. Все четыре конца прямые, одинаковые по ширине, прямоугольные. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом изображены восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. Лицевая сторона оконтурена тонким рельефным валиком, образующим кант. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей (1, 2), иногда также над и под перекладиной восьмиконечного креста (3) помещены надписи, выполненные выпуклым рельефом. Обратная сторона также оконтурена тонким рельефным валиком-кантом. На ограниченной им площади помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное.

* Здесь и далее в скобках курсивными цифрами указаны порядковые номера изображений крестов на рисунке. Автор глубоко признателен Татьяне Ивановне Черновой, заведующей отделом информатизации и компьютеризации Томского областного краеведческого музея, за подготовку данного рисунка.

** Автор благодарен д-ру ист. наук, профессору кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ Людмиле Александровне Чиндиной, своему научному консультанту, за предоставленную возможность опубликовать материалы ее раскопок.

Результаты спектрального анализа нательных крестов с Тискинского могильника

№ п/п	Местонахождение креста	Cu	Zn	Sn	Pb	Hg	B	Fe	Ag	Si	Mg	Sb	Ni
1	Кург. 5, погр. 3	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
2	Кург. 7, погр. 23	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
3	Кург. 8, погр. 4	+	–	+	+	+	–	–	–	+	–	–	–
4	Кург. 9, погр. 5	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
5	Кург. 12, погр. 11	+	+>	+	+	+	–	+<	–	+	+	–	–
6	Кург. 12, погр. 19	+	+>	+	+	+	+	–	+	+	+	–	–
7	Кург. 13, погр. 6	+	+<	+	+	+	–	–	–	+	+	+	–
8	Кург. 13, погр. 7	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
9	Кург. 13, погр. 8	+	+>	+	+>	+	+	–	+	+	–	+	–
10	Кург. 13, погр. 21	+	+<	+	+<	+<	+	–	+	+	+	–	+<

Нательные кресты Тискинского могильника.

Группа I – простые: 1–3 – вариант 1; 4–6 – вариант 2; группа II – фигурные: 7, 8 – тип I; 9, 10 – тип 2; 11, 13, 14 – тип 3; 12 – тип 4; 15, 16 – тип 5.

Навершия двух- или одноступенчатые, с килевидным или округлым окончанием.

В одном случае поверхность креста между всеми рельефными элементами с обеих сторон покрыта голубой эмалью (2).

По размерам в варианте 1 различаются три подварианта: 1) большие (4 экз.) – от 51×25 до 53×27 мм, ширина лучей 10 мм; 2) средние (4 экз.) – от 40×18

до 45×22 мм, ширина лучей 7–8 мм; 3) малые (3 экз.) – от 34×18 до 39×18 мм, ширина лучей 7–8 мм.

Вариант 1 соотносится с типом I классификации В.И. Молодина крестов-тельников с некрополя Илимского острога [2001б, с. 23–26, рис. 1].

Вариант 2 – с узкими концами, 9 экз. из погр. 4 кург. 7, погр. 1 и 4 кург. 8, погр. 8 и 9 кург. 12, погр. 3

и 29 кург. 13, из насыпи кург. 13 (сектор III), из сборов с разрушенных рекой курганов (4–6). Четырехконечный крест простой формы. Концы прямые, одинаковые по ширине, прямоугольные. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. По четырем концам креста надписи, выполненные выпуклым рельефом. На оборотной стороне помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушки подквадратные с закругленным верхом (6 экз.), одноступенчатые с округлым (1 экз.) и килевидным (1 экз.) навершиями. Размеры крестов от 48×25 до 60×32 мм, ширина лучей 6–8 мм.

По наличию/отсутствию рельефного валика-канта, окаймляющего лицевую и оборотную стороны, изделия подразделяются на два подварианта: 1) окантованные (3 экз.), размеры от 48×25 до 60×32 мм, ширина лучей 6–8 мм (4, 6); 2) без канта (6 экз.), размеры от 52×30 до 55×32 мм, ширина лучей 6–7 мм (5).

В одном случае поверхность креста, ограниченная валиком-кантом, между всеми рельефными элементами покрыта голубой эмалью (6).

Кресты этого типа имеют некоторые особенности, связанные с надписями на них. У всех крестов варианта 1 сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, СНЪ БЖИЙ. Во 2-м варианте 1 экз. подварианта 1 имеет надписи: сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, внизу – НИКА. У остальных крестов этого варианта сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, под раменами креста – М.Л.Р.Б.

Группа II. Фигурные*. Выделено пять типов. При их определении использована терминология А.С. Уварова [Каталог..., 1908, с. 148–159].

Тун 1 – “с листвою”, 2 экз. из погр. 7 и 8 кург. 13 (7, 8). Четырехконечный крест обрамлен венком, покрытым растительным орнаментом, что придает ему форму резного листа. Основание подтреугольной формы. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. В верхней части под ушком и на оконечностях горизонтальных лучей надписи, выполненные выпуклым рельефом: сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC и СНЪ БЖИЙ. Лицевая и оборотная стороны оконтурены по периметру тонким рельефным валиком. На обороте помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное.

* Автор признателен за консультативную помощь при описании этой группы крестов искусствоведу Томского областного художественного музея Ирине Александровне Евтихивой.

Навершие одноступенчатое, килевидной формы. Размеры изделий 58×34 , 55×32 мм, ширина лучей 20 мм.

В одном случае поверхность креста, ограниченная валиком-кантом, между всеми рельефными элементами с обеих сторон покрыта голубой эмалью (8).

Нательные кресты этого типа соотносятся с типом V, выделенным Э.П. Винокуровой [1999, с. 333] и В.И. Молодиным [20016, с. 26–28, рис. 2].

Тун 2 – с “шарообразными оконечностями”, 3 экз. (9, 10). Различаются два варианта: с цатами на средокрестии (1 экз. из погр. 11 кург. 13) и без них (2 экз. из погр. 5 и 21 кург. 13). Четырехконечный крест обрамлен орнаментом “с шарообразными оконечностями”, образованным трилистниками, которые расположены по углам средокрестия, по обе стороны основания креста, оформляют концы горизонтальных лучей и основание. Все изделия имеют четыре сквозных отверстия по углам средокрестия. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей (9), а также под и над перекладиной восьмиконечного креста (10) надписи, выполненные выпуклым рельефом: сверху – ЦС, по сторонам – IC XC, помещенные в клейма в виде храма с закомарами, внизу – М.Л.Р.Б. Лицевая и оборотная стороны оконтурены тонким рельефным валиком. На обороте помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное. Навершие одноступенчатое, килевидной формы. Одно изделие целое, другое имеет повреждение – отломан фрагмент в виде трилистника, оформлявшего оконечность горизонтального луча. Размеры крестов 60×38 , 59×36 мм.

Кресты-тельники этого типа соотносятся с вариантом 2 подтипа 4 типа I классификации Э.П. Винокуровой [1999, с. 337, рис. 12, 1].

Тун 3 – “огненосные”, 5 экз. (11, 13, 14). Различаются два варианта: с цатами в средокрестии (3 экз.), без них (2 экз.). Четырехконечный крест обрамлен венком, образованным рельефным пламевидным орнаментом и четырьмя трилистниками, расположенными по углам средокрестия, с лучами в виде бутонов лилий. Все изделия имеют четыре сквозных отверстия по углам средокрестия. У всех на лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама.

Вариант 1 (13, 14). Цаты помещены в центре средокрестия. На лицевой стороне на оконечностях крестов в клеймах в виде высокого храма с закомарами надписи: сверху – ЦС, по сторонам – IC XC, внизу –

М.Л.Р.Б. Обратная сторона плохой сохранности. Текст, если и был, то на двух предметах он полностью стерт (погр. 11, 13 кург. 8), на одном – не читается (сектор С3 кург. 12). Размеры изделий 50×34 , 53×32 , 51×33 мм, ширина лучей 6–8 мм. Ушки изделий подквадратной формы.

Вариант 2 (11). Крест без цаты (погр. 5 кург. 9, погр. 6 кург. 11). На лицевой стороне в верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей, а также над и под перекладиной восьмиконечного креста надписи, выполненные выпуклым рельефом: на оглавии – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, СНЪ БЖІЙ, под раменами креста – НИКА. На оборотной стороне помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное. Навершия двухступенчатые, круглой формы, уплощенные. Размеры изделий: 49×26 мм, ширина лучей 10 мм; 45×27 мм, ширина лучей 8 мм.

Нательные кресты этого типа соотносятся с вариантом 1 и его подвариантами подтипа 4 типа I классификации Э.П. Винокуровой [1999, с. 336, рис. 11, 3].

Тип 4 – прямолинейные с лучами, 1 экз. из погр. 11 кург. 12 (12). Четырехконечный крест обрамлен венком, образованным четырьмя трилистниками с лучами в виде бутонов лилий, расположенными в углах средокрестия. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей, а также под перекладиной восьмиконечного креста надписи, выполненные выпуклым рельефом: вверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, под перекладиной – СНЪ БЖІЙ. Текст на оборотной стороне не читается. Основание креста прямое. Ушко фигурное, с округлым уплощенным навершием. Лицевая поверхность креста между рельефными элементами покрыта синей и белой эмалью, обратная – только синей. Размеры изделия 55×33 мм, ширина лучей 11 мм.

В классификации Э.П. Винокуровой аналогичные кресты объединены в тип I, подтип 3 [1999, с. 336, рис. 10].

Тип 5 – “расцветшие”, 3 экз. из погр. 10 кург. 5, погр. 8 кург. 8 и погр. 19 кург. 12 (15, 16). Четырехконечный крест с цатами в центре средокрестия и лучами, исходящими из его углов. Лучи у основания имеют прямоугольную форму, переходящую затем в копьевидно-приостренную (16). Над оглавием креста имеется расширение из завитков, образующих подобие карниза. Оконечности горизонтальных лучей и основание – ромбической формы, заполнены геометрическими фигурами, образующими распутившиеся бутоны. Основание креста с боков охватывают два

кресты. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, трость и копье, отходящие от косой перекладины. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. Над и под раменами этого креста есть плохо читаемые надписи. На обороте изделия они вовсе не читаются, но сохранился геометрический орнамент, на оконечностях такой же, как на лицевой стороне. Ушки подквадратной и подпрямоугольной формы, с округлым верхом. Размеры крестов 53×40 , 53×39 и 36×30 мм, ширина лучей соответственно 18, 17 и 7 мм.

Изделия имеют утраты: в одном случае в средокрестии обломаны все лучи (15), в другом – два луча и основание креста.

В классификации Э.П. Винокуровой аналогичные кресты выделены в тип VIII [1999, с. 346].

Расшифровка надписей и символов

Аббревиатура М.Л.Р.Б. расшифровывается как “место лобное, распят был” или “место лобное, раю быть” [Записка..., 1851, с. 45]. Остальные сокращенные надписи общеизвестны. Поскольку НИКА в переводе с греческого означает “победа”, то размещение этой надписи в основании креста, вероятно, символизирует победу над смертью.

На оборотной стороне помещены или молитва “Кресту Твоему поклоняемся Владыко и святое воскресение Твое славим”, или начало псалма: “Да воскреснет Бог и разыдутся врази...”, или текст, отражающий отношение людей к кресту: “Крест хранитель всей вселенной, крест красота церковная, крест царям держава, крест верным утверждение, крест ангелам слава, крест бесам язва...”; есть и иные надписи [Винокурова, 1999, с. 359–360].

Изображения Голгофы и головы Адама – эмблема смерти, напоминающая о распятии Иисуса Христа на этой горе – месте нахождения черепов. С последним связано предание, согласно которому здесь был погребен Адам и кровь Спасителя во время крестной смерти обагрила кости прародителя. Это предание, как считал А.С. Уваров, вероятно, и было причиной того, что под распятием изображена голова Адама [Каталог..., 1908, с. 12].

Копье, трость, венец являются атрибутами распятия или орудиями страдания, поскольку они сопровождали казнь Христа. В Священном Писании об этом говорится следующее: “И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь перед Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на Него и, взявши трость, били Его по голове” (Мф 27: 29–30; Мк 15: 15–20; Ин 19: 1–3, 16).

“Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода” (Ин 19: 34), что свидетельствовало о смерти.

Что касается цаты, то в “Энциклопедическом словаре” Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дано следующее определение: подвес, прилагаемый к иконам [1903, с. 845]. Трудно сказать, что понимал под цатами А.С. Уваров, возможно, это символическое изображение венца – символа победы над смертью и дьяволом.

Лилии, представленные на крестах группы II, с одной стороны, являются символом чистоты и невинности, с другой – связаны со смертью и загробным миром.

Шаровидные оконечности лучей, по мнению Уварова, первоначально имели символическое значение (шар как символ Бога-Отца), но впоследствии это значение перестало играть какую-либо роль в глазах художника и они обратились в простой орнамент. То же можно сказать относительно клейм в виде храмов [Каталог..., 1908, с. 154].

Аналоги крестов с Тискинского могильника

Аналогов прямых с широкими концами нательных крестов с Тискинского могильника много. Они найдены в Киеве на Подоле [Каталог..., 1894, с. 13–14], в Удмуртии на могильнике Узей-Тукля (погр. 9) [Шутова, 1992, рис. 32, 22], обнаружены среди материалов XVI–XVII вв. на о-ве Фаддея [Порфиридов, 1951], 3 экз. – в погребениях Соровского некрополя салымских хантов*. Восемь плоских простых четырехконечных крестов найдено на кладбище васюганских хантов пос. Озерного у оз. Тух-Эмтор**, три (два с эмалью) – во время разведки в Колпашевском р-не Томской обл. в разрушенных могилах Тогурского кладбища***. В Хакасии такие нательные кресты известны по материалам захоронений XVIII–XIX вв. (Теренги-Хол-База, Ус-Оба, Хорын-Хол) Бейского р-на [Богданов, Худяков, 1993, с. 59]. Значительная серия подобных изделий обнаружена в некрополе Илимского острога. Они выделены В.И. Молодиным в тип I, который подразделяется на три варианта и четыре подварианта [2001б, с. 23–26, рис. 1].

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 211, 228, 246.

** Дремов В.А. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1973 г. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 537, тетрадь 7, с. 615.

*** Яковлев Я.А. Отчет о работах Тымского отряда Археологической экспедиции ТГУ в 1987 г. в Колпашевском и Верхнекетском районах Томской области. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 1000-1, с. 13–14; № 1000-2 (Прил.), рис. 39.

Появление прямых крестов-тельников с широкими концами исследователи относят к XVI в. О.С. Куколевская считает их старообрядческими. О том, что именно в среде староверов была сильна ориентация на древние формы нательных крестов и что большинство из них дошло до нас в поздних повторениях, пишет С.В. Гнутова. Аналогичные кресты из Средней Сибири Н.Н. Исаева называет мужскими и относит их к XVII–XIX вв. Подобные формы тельников дожили у старообрядцев до XX в. На лицевой стороне старообрядческих крестов сохраняется надпись: Царь Славы Иисус Христос (а не Иисус Назарянин Царь Иудейский). Именно такой текст имеют нательные кресты тискинской серии, что позволяет отнести их к старообрядческим. В специальной литературе отмечены факты использования аборигенным населением христианских культовых предметов, полученных от староверов (см.: [Там же, с. 25–26]).

Аналоги прямых крестов с узкими концами есть среди случайных находок в Новгородской губ. (близ д. Перволоки Старорусского уезда) [Каталог..., 1894, с. 71–72, рис. 113], в материалах погребений некрополей Даниловского и Моисеевского монастырей в Москве [Беляев, 1995, рис. 21; Векслер, Беркович, 1999, с. 199, рис. 15, 2]; погр. 19 некрополя Чужьялово в Удмуртии [Шутова, 1992, рис. 32, 20]. Аналогичные нательные кресты были в Мангазее XVII в. [Белов, Овсянников, Старков, 1981, рис. 8, 11]. Найдены они в захоронениях Соровского некрополя салымских хантов и погр. 13 Айполовского могильника васюганских хантов*, а также в погребении качинцев в долине р. Табат [Худяков, 2002, с. 87, рис. 5, 1]. Изделия этого типа аналогичны крестам-тельникам с Саянского городища первой половины XVIII в. [Скобелев, 1999, рис. 11], с памятника Ус-Оба Бейского р-на Хакасии [Богданов, Худяков, 1993, с. 59], из захоронений защитников Албазинского острога [Артемьев, 1996, с. 192, рис. 9, 2, 10, 13].

Кресты типа 1 группы II обнаружены в Европейской России и Украине [Каталог..., 1908, с. 160, № 210–212], в погребениях некрополей Даниловского и Моисеевского монастырей в Москве [Беляев, 1995, рис. 22; Векслер, Беркович, 1999, с. 201, рис. 15, 9], 1 экз. – в захоронении XIX в. Обдорского Севера [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 143]. Есть они в материалах поздних погребений хантов: салымских – Соровского (2 экз.) и Кинтусовского I (1 экз.) кладбищ; иртышских – некрополя Чага, раскопанного А.Н. Багашевым (2 экз.); васюганских – Айполовского могильника (2 экз. из раскопок В.А. Дремова)**. Аналогичные нательные кресты найдены в захоронениях защитников

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 38, 112, 183.

** Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 201, 221; кол. № 7626, № 41; кол. № 7622, № 40, 224; кол. б/н.

Албазинского острога [Артемьев, 1996, с. 192, рис. 9, 12, 15]. Совершенно идентичные тельники “с листовой” из некрополя Илимского острога выделены В.И. Молодиным в тип V, подтип 1 с тремя вариантами и подвариантами [2001б, с. 26–28, рис. 2].

Тип 2 группы II представлен в Каталоге графа А.С. Уварова [Каталог..., 1908, с. 152–153, № 122–123]. Фигурные кресты с “шарообразными оконечностями” обнаружены в Поломском данчашае (1 экз.) [Шутова, 1992, рис. 32, 21], на хантыйских кладбищах: Соровском (1 экз.), Чага (1 экз.), Айполовском (1 экз. из мог. 5)*. Найдены они и в селькупских погребениях XVIII–XIX вв. могильников Барклай на р. Чае [Ожередов, 1992, с. 101] и Путяка на р. Кети.**

Аналоги нательных крестов типа 3 группы II известны в Европейской России и Украине [Каталог..., 1908, с. 151, № 87, 91–94]. Они найдены в погребениях некрополей Даниловского и Моисеевского монастырей в Москве [Беляев, 1995, рис. 22; Векслер, Беркович, 1999, рис. 15, 4], погр. 9 могильника Узей-Тукля в Удмуртии [Шутова, 1992, с. 13–14], на хантыйских кладбищах: Соровском (1 экз.), Кинтусовском I (2 экз.) и Чага (1 экз.)***. Аналогичный нательный крест обнаружен в углу дома Кузнецкого острога [Ширин, 1992, рис. 1, 24].

Что касается типа 4 группы II, то можно указать только один близкий по форме крест, найденный при раскопках Д.В. Милеева в Киеве в усадьбе Десятинной церкви [Каталог..., 1894, с. 52, рис. 82, в].

Аналоги крестов типа 5 группы II известны в Европейской России и Украине [Каталог..., 1908, с. 153, № 124, 125, 136–138]. В сибирских материалах они обнаружены в хантыйских погребениях Соровского кладбища (1 экз.) и могильника Чага (1 экз.)****, захоронениях Волковского кладбища в Колпашевском р-не Томской обл.*****, в слое поселения Ильинка V в Кемеровской обл. [Ширин, 1992, рис. 1, 25].

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 135; кол. № 7622, № 183; кол. б/н.

** Гребнева Г.И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1976 года. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 688, с. 27, табл. IV, 2.

*** Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 12, 92, 136 (без цат); кол. № 7626, № 7, 60; кол. № 7622, № 141 (с цатой). Автор глубоко признателен своим коллегам – старшим научным сотрудникам Томского областного краеведческого музея Г.И. Гребневой и Я.А. Яковлеву за предоставленную возможность использовать в работе их неопубликованные материалы.

**** Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 96; кол. № 7622, № 52 (с цатой).

***** Яковлев Я.А. Отчет о работах Тымского отряда Археологической экспедиции ТГУ в 1987 г. в Колпашевском и Верхнекетском районах Томской области. Приложение. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 1000-2, рис. 32.

Информация о нахождении нательных крестов в захоронениях XVII–XX вв. встречается в литературе довольно часто. Обнаружены они, например, на православных погребальных памятниках Ижевска [Макаров, 2003, с. 212], на Первом челябинском кладбище XVIII в. [Самигулов, 2002, с. 136]. Старообрядческие кресты известны по материалам погребений Верхотурья и Каменска-Уральского [Погорелов, Святков, 2002, с. 121], некрополей г. Томска [Чугунов, 1905, с. 22], стоянки русских землепроходцев на о-ве Фалдея на берегу залива Симпса [Порфиридов, 1951; Бурыкин, 2003, с. 172], могильника Изюк-1 в Омском Прииртышье [Татаурова, 2000, с. 422], захоронений Кузнецкого [Ширин, 1992, рис. 1], Илимского [Молодин, 1999], Албазинского [Артемьев, 1996] острогов, хантыйских некрополей – Каркатеевского и Усть-Балыкского*.

Абсолютные аналоги в материалах европейской части России и Севера Западной Сибири позволяют предполагать, что прародиной крестов образца XVI–XVII вв. была Северо-Западная Русь, откуда они поступали в Сибирский край. Вероятно, с конца XV или начала XVI в. в Московской Руси слагается новый, отличный от древнейшего южного, тип меднолитых нательных крестов, который далее с небольшими вариациями господствует до XIX в. включительно [Перетц, 1933, с. 7–8]. К аналогичному выводу пришел и А.И. Некрасов, писавший, что «с XVI в. получают распространение деревянные и особенно металлические кресты... в новгородском стиле. Вся Устюг становится их производственным центром, а также и другие города. Усложняясь и варьируясь в стиле, они долго продолжают сохранять черты своего происхождения из XVI в. Несомненно, что еще в XVIII в. нередко употреблялись старые формы для отливания новых “экземпляров”» [1924, с. 78].

Заключение

Тискинские нательные кресты датируются по монетам концом XVIII – первой половиной XIX в. В связи с этим процитированное выше утверждение А.И. Некрасова для нас особенно актуально, т.к. позволяет сделать вывод об отливании их по моделям старого образца.

В.И. Молодин отмечает, что, несмотря на жесткие канонические нормы, кресты-тельники претерпевают серьезные изменения во времени. Имели

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7610, № 2. Памятники открыты В.И. Семеновым в 1983 г. Последний назван ею “могильник Репьеган”. В полевой документации В.А. Дремова он значится как Усть-Балыкский, Балыкский, кладбище на протоке Горной [Боброва, 2003, с. 215].

место и определенные территориальные различия данных изделий, связанные с традициями художественных школ, в которых они изготавливались [Молодин, 2002, с. 97]. Разнообразие типов нательных крестов с Тискинского некрополя, функционировавшего на протяжении 70–80 лет, яркое тому подтверждение.

При жизни кресты носили на нитяных шнурах, на которые нанизывали бусины из разноцветного стекла. В погребениях их местоположение строго определено: область шейно-грудного отдела, т.е. там, где нательные кресты обычно носят верующие люди. Это позволяет сделать вывод о том, что они сопровождали погребенных в качестве символов веры.

Обнаружение металлических нательных крестов в захоронениях Тискинского могильника, безусловно, свидетельствует об особом к ним отношении, сформировавшемся у коренного населения под влиянием русской культуры. Синкретичный характер набора погребального инвентаря отражает серьезные изменения, произошедшие в духовной сфере и мировоззренческих установках селькупов “шешкум”, проживавших на берегах р. Оби.

Осознание аборигенами Нарымского края нательного креста как символа распятого Христа, которому поклоняются православные люди, красноречиво свидетельствует о приобщении их к новой вере.

Список литературы

Артемьев А.Р. Останки погребенных защитников Албазинского острога // РА. – 1996. – № 1. – С. 185–196.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазья: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 147 с.

Беляев Л.А. Древности Данилова монастыря (Церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила Столпника) // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. – М.: Наука, 1995. – С. 84–112.

Богданов Е.С., Худяков Ю.С. Нательные кресты из погребений этнографического времени на юге Хакасии // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан: Абак. гос. пед. ин-т, 1993. – С. 59–60.

Боброва А.И. Погребения XVIII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – С. 146–167.

Боброва А.И. Палеоэтнографические материалы о погребальном обряде васюганских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Ханты-Мансийск: ООО “Издатель-Полиграфист”, 2002а. – С. 189–191.

Боброва А.И. Палеоэтнографические материалы о погребальном обряде восточных хантов // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002б. – С. 76–80.

Боброва А.И. О погребальном обряде хантов Салымского края XIX–XX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 211–215.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб.: [Тип. Акц. об-ва Брокгауз–Ефрон], 1903. – Т. 74. – 966 с.

Бурыкин А.А. Одно замечание к находкам из лагеря полярных мореходов на Восточном Таймыре: зачем торговая экспедиция возила с собой наперсные кресты // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука-Омск, 2003. – С. 172–173.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. – М.: Наука, 1999. – С. 181–225.

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.

Гнутова С.В. Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI – начала XIX в. – М.: Интербук-Бизнес, 2000. – 135 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 55).

Записка для обозрения русских древностей, составленная и изданная И. Сахаровым. – СПб.: Б.и., 1851. – 80 с.

Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве в 1894 г. – Киев: Б.и., 1899.

Каталог Собрания древностей графа А.С. Уварова. – М.: [Тип. Об-ва распростр. полезн. книг], 1908. – Отд. 8–11. – 197 с.

Макаров Л.Д. Археологическое исследование православных памятников Ижевска в 2001 г. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука-Омск, 2003. – С. 212–213.

Молодин В.И. Некрополь Илимского острога: палеодемографические реконструкции // Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж, 1999. – Вып. 13: Археология восточноевропейской лесостепи. – С. 113–120.

Молодин В.И. Крест как архетип и одно из его символических проявлений в христианстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001а. – С. 244–246.

Молодин В.И. Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник: Спец. вып. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001б. – С. 20–30.

Молодин В.И. Кресты-тельники Сибири как объект научного изучения // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 96–102.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука, 2001. – 155 с.

Некрасов А.И. Очерки декоративного искусства Древней Руси. – М.: Мосполиграф, 1924. – 119 с.

Ожередов Ю.И. Раскопки курганной группы Барклай // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 97–101.

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инород-

цев. – СПб., 1911. – 431 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд-нию статистики; Т. 2, вып. 2).

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – СПб., 1912. – 174 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд-нию статистики; Т. 1, вып. 1).

Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. – Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. – 55 с. – (Изв. ГАИМК; Вып. 73).

Погорелов С.Н., Святов В.Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 118–121.

Порфиридов Н.Г. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. – С. 153–159.

Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 133–137.

Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 185–207.

Татаурова Л.В. Археология о культуре русских Омского Прииртышья // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 421–423.

Худяков Ю.С. Погребения качинцев в долине р. Табат // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 85–99.

Чугунов С.М. Материалы для Антропологии Сибири: Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. – Томск, 1905. – Ч. 1. – 264 с. – (Изв. Имп. Том. ун-та; Кн. 27).

Ширин Ю.В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII в. // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1992. – С. 106–113.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та ист., яз. и лит. УрО РАН, 1992. – 263 с.

Материал поступил в редколлегию 8.04.04 г.

УДК 903.27:73/75

В.А. Зах, С.Н. Скочина*Институт проблем освоения Севера СО РАН
а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: vzach@ipdn.ru***ГЛИНЯНАЯ СКУЛЬПТУРКА ИЗ КОМПЛЕКСА С ГРЕБЕНЧАТО-
ЯМОЧНОЙ ПОСУДОЙ С ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ-6*****Введение**

Наскальные изображения, скульптура разных хронологических периодов Урала, Западной Сибири и сопредельных территорий нередко становятся предметом особого исследования [Чернецов, 1971; Окладников, Мартынов, 1972; Мошинская, 1976; Молодин, 1992; Массон, Сарияниди, 1973]. Они являются той частью культуры, которая позволяет проникнуть в мир чувств и представлений древнего человека, а кроме того, иногда служат ценным источником для определения этнокультурной принадлежности оставившего их населения. В данном случае нас будет интересовать такая разновидность скульптуры, как мелкая глиняная пластика, широко распространенная территориально и хронологически.

Наиболее ранние в Зауралье – скульптура с поселения Евстюниха, интерпретируемая как изображение птицы [Мошинская, 1976] или медведя [Сериков, 2002], а также фигурки змеи и птицы с поселения ЮАО-18 (VIII пункт) [Усачева, 1998]. К эпохе неолита относится и скульптурное изображение утки, обнаруженное в заполнении жилища 7 поселения ЮАО-15. Энеолитическим временем датируются восемь обломков антропоморфных фигурок, найденных В.Д. Викторовой и Н.П. Матвеевой в жилищах и за их пределами на поселении ЮАО-12. К доандроновскому периоду, скорее всего к ташковской культуре, принадлежит чуть поврежденная глиняная головка медведя из смешанного (неолит – бронза) слоя поселения ЮАО-18 [Там же].

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

При исследовании одиновского слоя поселения Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье А.Н. Панфиловым обнаружена глиняная скульптурка высотой 10 см, шириной 4,6 и 3,5 см, толщиной 2,6 см, округленных подпрямоугольных очертаний. Верхняя треть фигурки отогнута по отношению к остальной ее части почти на 80°, поверхность орнаментирована крупнозубчатой гребенкой. По мнению автора, скульптурка представляет собой, скорее всего, изображение животного, может быть змеи: “схематичность... затрудняет идентификацию его с каким-либо конкретным образом” [Панфилов, 1993, с. 43]. С этим же периодом и комплексом с гребенчато-ямочной керамикой связана эмбрионовидная скульптурка, найденная В.А. Посредниковым на поселении Большой Ларьяк-3 на р. Вах [1973]. Большое количество предметов глиняной пластики происходит с памятников кротовской культуры; особенно интересны находки В.И. Молодина, обнаруженные в одной из ям поселения Туруновка-4 [1985а].

Глиняная пластика эпохи бронзы – раннего железа более многочисленна и распространена на всей территории Западной Сибири, особенно на поселениях поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени. На поселении Низямы-8 в Приобье найдено изображение стоящего животного [Зыков и др., 1994]. В слое ирменской культуры под валом городища Абрашино-1 на Обском море В.И. Соболевым обнаружены вместе с ошлакованными сосудами шесть глиняных зооморфных фигурок. Подобная скульптурка найдена М.П. Грязновым на поселении Ирмень-1 [Молодин, Соболев, 1983]. Фигурки медведя, лошадей и антропоморфные изображения происходят с поселений переходного времени Туруновка-4 и Чича-1 в Центральной Барабе [Молодин,